

УДК 2

ИМЯ БОГА И КОНТЕКСТЫ ЕГО ФИЛОСОФСКОЙ ТЕОЛОГИЗАЦИИ

Костенич Владимир Анатольевич

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В статье обсуждаются мировоззренческие интенции апофатической и катафатической версий религиозно окрашенного философствования.

Предпринята попытка рассмотреть их онтологические и аксиологические пред(после)слова.

Религиозная философия уже в Средние века сформулировала несколько «философских доказательств бытия Бога», посредством которых она, с одной стороны, задала определенную концептуальную «топологию фактичности» Творца в собственном Творении, а с другой стороны, поставила верующий Разум перед необходимостью гносеологически «дочитывать» панорамы Творения до его трансцендентных авторизаций.

Иначе говоря, «существование Бога» в качестве имманентной траектории бытийной темпоральности (рефлексивно) превратило «Сущность» самого Творца в интеллектуальную версию «вечного (философского) вопроса» об атрибутивных характеристиках этой смыслонесущей реальности. Само же мировоззренческое путешествие «от существования к Сущности» трансформировалось в герменевтический круг схоластических литургий с «Именем Первосущего».

Вопрос «Кто есть Бог?» обрёл принципиальный масштаб и стал истинностным горизонтом религиозного сознания в его теологических и софиологических проекциях. Молитвенный возглас «Да святится Имя Твое!» теряет статус (исключительно) гимнософского поклонения и оказывается синергетическим вызовом человеческому (недо)пониманию бездонных Пиков божественной вечности. Творец обретает не только богочеловеческую визуальность, но и смысловую «(не)очевидность», а верующий человек нуждается в щепетильном обращении со Словом, как средством сакральных упражнений с плотью (безмолствующего) Ничто.

В этой связи, известный средневековый дискурс «об универсалиях» мировоззренчески «приурочен» к обоснованию бытийной правомо(щ/ч)ности именования сотворенных «чтойностей», с оглядкой на прерогативы Творца. Библейское «...И Слово было у Бога. И Слово было Бог»(ом), задаёт высоковольтное напряжение для гордых человеческих прельщений самочинно именовать не только «налично сущее», но и на стремление «говорить о Творце устами самого Творца».

Сторонники номинализма спорят с реалистами не только и не столько о бытийном и временном приоритете «общего или единичного», сколько о кощунственных попытках человеческой речи (всегда, по умолчанию, «убогой»), подменить Бога в описаниях Творения, всякий раз утрачивающего при этом свою первородную «индивидуальность».

Однако вернёмся от сущего к Сущему. Религиозная традиция компонует две (конгруэнтных друг другу) стратегии умопостижения Творца: апофатическое недословие и катафатическое славословие.

Апофатика избегает любых позитивных утверждений, руководствуясь формулой «не то, (совсем) не то...». Бог здесь вне человеческих аналогий и символизаций. Он ускользает от «пытк Имени», пытающих Его сущность опытами (в)суесловия. Абсолют за пределами тварного сравнения. Пользуясь терминологией Николая Кузанского, можно было бы сказать, что Творец есть такой бытийный Максимум, который превосходит абсолютную относительность наших «хвалебных реверансов», ускользая в черную дыру невыразимого. Точнее, выразимого (в кавычках) через отрицание, где сама отрицательная «нетость» призвана рафинировать Его сущностную сверхсло(в/ж)ность. В конечном счёте, апофатиче-

ское богословие склоняет человеческий Разум к... смиренному молчанию перед лицом божественной тайны. Имеющий смирение да... услышит глаголющую тишину... Мистическая практика «умной молитвы» в исихазме выступает отсылочным намёком к подобному совпадению с «Именем Бога», утрачивающем свою «словесную изнанку» и обретающему метрономию сердечного унисона. Имя не произносится, но и не изнашивается в речевых конвульсиях. Оно «говорит» плотью благодати, как единственным «евангелием» Трансцендентного. Правда, говорит в резервации, выстроенной из кладбищ словесных потуг (полного) отказа от внешних звуков и образов. Как тут не вспомнить Витгенштейна, призывавшего молчать, если невозможно сказать...

Катафатическое богословие, на первый взгляд, мыслит почти перпендикулярно. Опираясь на текстологию библейских страниц и теологемы предания, оно пытается верифицировать не «Имя, но (многообразные) имена» Творца, посредством которых желает «очеловечить» Его Сущность. Богу приписываются некие (абсолютно позитивные) аксиологические домены, очерчивающие пространство «благодати» как таковой, перетекающей (время от времени) в отдельные акты Его сущностного милосердия. *Катафатика как бы придерживается принципа «Бог – это не совсем то (теоретически), но почти то (практически)...*». Он наделяется качествами, у которых есть земные наноаналоги. Человек обретает зеркальные отражения, позволяющие ему «видеть Творца», творчески делящего своё совершенство в сотворенных шифрах «богоподобия». *Если апофатика предстаёт как непрерывный «фальстарт финиша» наших человеческих желаний «поздороваться с самим Творцом», то катафатическое богословие, скорее, напротив, оказывается непрерывным «стартом промежуточного финиша»,* в контексте которого Творец «выходит из светлой тьмы своей абсолютной потусторонности» и доверяет нам право на диалог со Словом, как Его инструментальной симфонией. Мастерская открыта для посетителей. Музей для слепых дарит роскошь словесных касаний. Истина больше не прячется в катакомбах молчания. Она хочет звучать на площадях пытливого (но не болтливой) сознания. Ничто отпускает на свободу Нечто, подышать свежим воздухом человеческого со-ображения. Итог: *тотальная археология совершенного*, заданная как уравнение из восторженных (транскрибирующих друг друга) сравнений.

В этом плане философская ментальность, с её искренним (самокритичным) признанием своей (изначальной) беспомощности окончательным и исчерпывающим образом «ответить» на любой вечный вопрос, с её духовным многоточием возобновляющегося вопрошания, выступает (для религиозного сознания) пропедевтическим примером сократовского сомнения с экзистенциальным уклоном.

Не отменяя мировоззренческих усилий имяславить и имяславить любую Абсолютную Первосущность, философия помещает эти усилия в континуальный проект диалектического противоречия, предполагающего *этическую онтологию ответственности за приручённое бытие и возлагающую её, в том числе, и на (божественного) Творца.* Презумпция «по образу и подобию» обретает человеческую интонацию внутри сверхчеловеческой матрицы Лица. «Свобода Творца» оказывается образцом Его творческой ипостаси и бытийной тавтологией любых артефактов репрезентации собственной Сущности. У Бога тоже есть «обязательства перед Творением», библейски декларированные в «шестоднев-

ных» послесловиях: «И увидел ОН, что это хорошо...». Творец творит свободно, но ответственно. Его смыслополагания априорно моральны. Однако сам Бог не является тотальным надзирателем за Творением, позволяя последнему (в том числе, в лице человеческой воли) свой «личный эксперимент» с возможностями сущего. Кстати, экзистенциалистский пафос ответственного самобытия (и в атеистическом исполнении тоже), религиозно конгениален, ибо предписывает «логос» абсолютного «не алиби в бытии» всем присутствующим в ойкумене этического...

Таким образом, теодицея апофатики и катафатическая верификация божественных превосходств оказываются «пограничными столпами» философствующего любомудрия, очерчивающего «онтологическую антологию Абсолют(ного)» в пространстве аксиологических императивов Должного. А пытка (мировоззренческой) попыткой «(не)домолвия Творца» предстаёт как сакральное благоговение человеческого Разума перед лицом «зова Совершенного»...